

УДК 821.512.141-1.09

Б. В. Орехов

Башкирская антология «Из века в век» в стиховедческой перспективе

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается стих двуязычной антологии «Из века в век» (2008), представляющей башкирский поэтический канон. Двуязычный характер этого поэтического собрания создает особые условия для знакомства иноязычного читателя с оригинальным обликом стихотворного текста. Исследовательские задачи, которые открываются благодаря этому материалу, состоят в том, чтобы уяснить, насколько состав корпуса, отражающий реальные поэтические практики, соотносится с поэтическим каноном. Основным методом рассмотрения стало сопоставление представленных в книге количественных характеристик тех или иных аспектов системы башкирского стихосложения с аналогичными показателями для башкирского поэтического корпуса, описанного в монографии «Башкирский стих XX века. Корпусное исследование». В качестве вспомогательного эпизодически привлекается материал многоязычной антологии «Современная литература народов России». Благодаря такому сопоставлению стало ясно, что в антологии гораздо чаще, чем в реальной истории башкирской поэзии, обнаруживаются формы узун-кюй (чередование 10- и 9-сложных стихов) и вообще 10-сложных стихов. Наоборот, реже ожидаемого наблюдается форма кыска-кюй (чередование 8- и 7-сложных строк) и изосиллабических стихотворений, состоящих из 7- и 9-сложных строк. Общая тенденция, которую можно отметить в результате такого сопоставления, — установка на увеличение длины строки, которая благодаря такому облику канона может оказать влияние и на будущую практику башкирской поэзии.

Ключевые слова. башкирский стих, антология, поэтический корпус, силлабический стих.

B. V. Orekhov

The Bashkir anthology “Century after century” from a verse study perspective

Higher School of Economics University, Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the verse of the bilingual anthology “Century after century” (2008), which presents the Bashkir poetic canon. The bilingual nature of this poetry collection provides particular conditions for introducing a foreign-language reader to the original poetic text. The research tasks opened up by this collection are to clarify the degree to which the contents of the corpus, reflecting real poetic practices, correlate with the poetic canon. The main method of analysis is to compare the quantitative indicators of various aspects of the Bashkir verse system, presented in the

---

ОРЕХОВ Борис Валерьевич – к. филол. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент Школы лингвистики.

E-mail: nevmenandr@gmail.com

OREKHOV Boris Valerievich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, School of Linguistics, Higher School of Economics University.

book, with the analogous indicators for the Bashkir poetic corpus, described in the monograph “Bashkir Verse in the 20th century. A Corpus Study.” Material from the multilingual anthology “Contemporary Literature of the Peoples of Russia” is occasionally used as support material. This comparison made it clear that the forms of *uzun-kyuy* (the alternation of 10- and 9-syllable verses) and generally 10-syllable verses are found in the Anthology much more often than in the real history of Bashkir poetry. On the contrary, less often than expected one may observe *kyska-kyuy* (alternation of 8- and 7-syllable lines) and isosyllabic poems, consisting of 7- and 9-syllable lines. The general tendency, which can be noted as a result of this comparison, is an attitude towards increasing the line length, which, thanks to this appearance of the canon, can also have an impact on the future practice of Bashkir poetry.

Keywords: bashkir verse, anthology, poetic corpus, syllabic verse.

Введение

В 2008 году в издательстве «Пранат» в ряду подобных изданий (см., например, [2]) вышла антология башкирской поэзии [3]. Внушительный семисотстраничный том не стал ни первой (см. другие примеры: [9], [10]), ни самой заметной (см. многочисленные переводы М. Карима [4], [5], [6], [7], Т. Арслана [1] и др.) для башкирской поэзии попыткой выхода в мир языка доминирующего культурного контекста. Создание антологий так или иначе связан с процессом производства канона [12]. Ориентированная на русскоязычного читателя антология не просто призвана закрепить каноничность тех или иных авторов, но и создать своего рода «канон на экспорт», то есть представить поэтическое наследие для внешнего по отношению к традиции наблюдателя и одновременно легитимизировать принадлежность канону путем утверждения соответствующего места в сознании носителя доминирующей культуры.

Важен здесь и аспект очевидной прагматики: эта антология составлена в постсоветское время, не повторяет традиционный набор авторов и произведений, отобранных в канон ушедшей идеологической системы, содержит новые по сравнению с привычно упоминавшимися имена. Нельзя назвать ее радикально обновленческой: закрепившиеся в советском каноне авторы вошли и в этот том, но у читателя неизбежно должно сформироваться впечатление, что в отсутствие идеологического давления отбор авторов здесь более «честный», продиктованный действительными художественными достоинствами, а не внелитературными факторами.

Но более важное для нас отличие состоит в том, что эта антология была двуязычной.

Антологии такого рода, помимо обычной в таких случаях функции репрезентации культурной традиции, актуализируют для воспринимающего исходный текст (см. [11], аккумулирующую в двуязычном представлении произведения более 50 национальных поэтических традиций). Кроме ученых-филологов, которые получают удобный материал для анализа переводов, в особой ситуации оказывается и подготовленный читатель, обретающий возможность сравнить доступный перевод с оригиналом, пусть и написанном на неизвестном языке. Речь в таком случае не идет о полноценном академическом сравнении, включающем анализ эквивалентности языковой семантики. Однако как минимум оценку эквилинеарности переводов может провести любой читатель (стихотворение и его перевод традиционно даются на одном развороте), что делает рискованным включение в такую антологию слишком вольных в смысле формы

переводов, серьезно отклоняющихся от оригинала — их появление тут же будет замечено. Читатель с высокой вероятностью обратит внимание на соответствие строфической формы оригинала и перевода и вообще сделает наблюдения над тенденциями в организации строфики той поэтической культуры, с которой он знакомится.

В случае с башкирским кириллическая графика облегчает оценку читателем наличия в переводе рифмы, а многочисленные случаи общей для русского и башкирского языков лексики (батыр, байрам, алтын, пуля, брезент, февраль) и имен собственных (Салават — Салават, Агизел — Агидель, Пушкин — Пушкин) облегчают восприятие текста на незнакомом языке

Разумеется, проводящий такое сравнение внимательный читатель в достаточной степени научный конструкт. В то же время при знакомстве с билингвальным форматом книги несомненна для читателя любого уровня актуализация концепции Другого: переводимая на его язык поэзия подвергается острашению, а перевод лишается монополии на репрезентацию исходного текста, которой он обладает в моноязычных сборниках переводов.

В антологии такого облика еще больше обостряется значимость художественной формы. Безусловно, выбор текстов главным образом обуславливается содержанием текстов, литературной репутацией их авторов, высокоуровневыми (то есть проявляющими себя не на уровне отдельных приемов, а на уровне, в котором все приемы представлены синтетически, комплексно) представлениями о литературном мастерстве. Но формальное измерение исходного произведения в двуязычном издании так или иначе находится в области видимости.

Поэтому нас будет интересовать стиховедческий облик произведений, отобранных для этой антологии. Вряд ли составители сознательно подходили к тому, чтобы полноценно представить в книге именно стихосложение. Тем интереснее изучить, адекватно ли отображена в антологии система башкирского стиха, представленная как бессознательный результат сознательного отбора текстов по другим параметрам.

Долгое время у многих национальных литератур не было самого научного языка для описания стихосложения. Обзор того, как в течение второй половины XX века постепенно вырабатывалась терминология и набор подходов к тюркскоязычным традициям, дан в [8]. Прежде всего, такая лакуна обуславливала недостаточное внимание к стиховедческой проблематике со стороны переводчиков, а как следствие — со стороны иноязычных читателей.

К настоящему моменту существует полное и подробное количественное описание системы башкирского стиха в XX веке [8], и мы предполагаем сделать вывод о том, насколько антология «Из века в век», охватывающая тот же период, моделирует стиховедческий уровень башкирской поэзии.

Частотность метров и стиховых форм антологии на фоне башкирского поэтического корпуса

Антология насчитывает 4719 строк, что соответствует корпусу из 468 459 строк, на котором строилось исследование, представленное в монографии о башкирском стихе [8]. Удобно, что одна величина приблизительно в 100 раз больше другой. Из 71 автора антологии 43 находятся среди авторов корпуса (60,56 %), это меньше половины от вошедших в корпус 103 башкирских поэтов. Такие цифры указывают, что состав авторов в двух выборках совпадает в незначительной степени, то есть близкие стиховедческие показатели, которые могут продемонстрировать монография и антология, будут обусловлены не индивидуальной поэтической манерой, а системными факторами, действующими на уровне целой традиции. Иными словами, высокая частотность того или иного размера и в антологии, и в книге о башкирском стихе будет продиктована не предпочтениями определенных поэтов, а тем, насколько этот размер распространен во всей литературной системе. Из 5 авторов, включенных в многоязычную антологию

2017-го года [11], все присутствуют и в [3], но только двое (М. Карим и Р. Назар) есть в поэтическом корпусе. Таким образом, можно говорить, что поэтический корпус в большей степени отражает недифференцированную с точки зрения иерархии литературных репутаций реальную поэтическую практику.

Башкирская поэзия XX века, практикуемая после создания башкирского литературного языка, силлабическая. Это значит, что используемые в ней размеры отличаются длиной строки, измеряемой в количестве слогов.

Самым распространенным размером башкирской поэзии является 9-сложник (28,19 %), вторым по частотности — 10-сложник (23,43 %). Вместе они покрывают чуть больше половины всех строк корпуса. В антологии мы видим те же размеры в списке лидеров, но с гораздо более близкими между собой значениями распространенности: 30,85 % для 9-сложника и 30,37 % для 10-сложника.

Известно, что частотность 9- и 10-сложника в башкирской поэзии обусловлена большой распространенностью формы узун-кюй, предполагающей правильное чередование 10- и 9- сложных строк. Эта первоначально песенная фольклорная форма, являющаяся «визитной карточкой» поволжско-кыпчакского стихосложения, прочно закрепилась в авторской поэзии. Она характеризует 11,64 % всех произведений корпуса [8, с. 165]. Кроме строгих узун-кюй, в башкирской поэзии мы видим дериваты этой формы, то есть такие случаи, при которых прослеживается узнаваемый шаблон чередования 10- и 9-сложников, но отдельные фрагменты текста не подпадают под эту схему за счет тех или иных преобразований. Например, при том, что доминирующим принципом организации текста является правильное чередование 10- и 9-сложников, в стихотворении встречаются более короткие строки, получившиеся благодаря разбиению 10-сложной строки на два 5-сложника или 9-сложной строки на два стиха по 4 и 5 слогов. В нижеследующем примере 10-сложник разбивается на два стиха по 4 и 6 слогов, а за ним следует 9-сложная строка, вместе это составляет дериват узун-кюй (10+9):

¹Төн ²ур³та⁴һы.

¹Уг²тар ³һи⁴рәк⁵лән⁶де

¹Бар²лык ³у⁴ра⁵мын⁶да ⁷ка⁸лам⁹дың.

(Катиба Киньябулатова «Салауат тураһында баллада») [3, с. 150]

Можно говорить, что башкирский поэтический корпус примерно на треть (33,86 %) состоит из строгих узун-кюй и дериватов этой формы. Кроме того, доминирующее положение 9-сложника подкрепляется значительным числом изосиллабических стихотворений (то есть таких, в которых все строки имеют одинаковую длину) этого метра: 19,68 % всех изосиллабических стихотворений, что уступает лишь числу изосиллабических 8-сложных стихотворений (28,29 % от всех изосиллабических) [8, с. 167].

В антологии мы находим 51 текст, строго следующий схеме узун-кюй, что составляет 19,92 % от всех 256 стихотворных произведений, включенных в книгу, и еще 86 стихотворений (33,52 %), которые в той или иной мере являются дериватами этой формы. Суммарно (137 текстов; 53,51 %) эти тексты представляют более половины произведений антологии, что значительно отличается от цифр представленности в большом поэтическом корпусе.

В [11] строгие формы узун-кюй (7 текстов) вместе с дериватами (2 текста) составляют ровно половину от всех 18 произведений на башкирском языке. Таким образом, доминирование узун-кюй — это общая черта башкирских двуязычных антологий, которая входит в некоторое противоречие с реальной ситуацией представленности этой формы в поэтической традиции.

Важной особенностью башкирских 9-сложных строк является их соответствие «правилу Болотова» [8, с. 132]. Это правило предполагает обязательный словораздел после 6-го слога. Этому правилу подчиняется более 95 % 9-сложных стихов. Тем значимее нарушения этого правила.

В антологии мы видим такие строки, как «¹Бо²гу³чар⁴зы ⁵һу⁶ғы⁷шып ⁸а⁹лып» («Дон ярында» Б. Бикбая), «¹Бал²кый ³ми⁴нең ⁵Баш⁶кор⁷тос⁸та⁹ным!» («Башкортостан» И. Киньябулатова; что существенно, это последняя строка стихотворения, находящаяся в сильной композиционной позиции, таким образом, нарушение общего правила здесь может быть сознательным поэтическим приемом привлечения внимания и нарушения автоматизма восприятия) и т. д. Как мы видим, словораздела между 6 и 7 слогами нет (номера слогов отмечены верхними индексами), правило Болотова нарушно. Но всего таких случаев находится 14, это менее одного процента от всех 9-сложников. Таким образом, антология еще строже следует правилу Болотова, чем тексты поэтического корпуса.

Изосиллабические стихотворения составляют 12,88 % поэтического корпуса. Это сравнительно небольшая величина на фоне ошибочного, но распространенного в науке стереотипа, гласящего, что изосиллабичность является главным признаком силлабической системы стихосложения вообще.

Антология содержит 36 изосиллабических произведений (14,06 %), что сопоставимо с аналогичными значениями в поэтическом корпусе. Но представленность изосиллабики по отдельным метрам в корпусе и антологии сильно отличается. Как уже следовало предположить, значительно уступает показателям корпуса число 9-сложных изосиллабических текстов (11,11 %). Изосиллабических 10-сложных стихотворений, напротив, в антологии заметно больше: 25 % против 9,72 %, что и приводит к описанному выше почти полному паритету 9- и 10-сложных строк. В результате изосиллабические 8-сложники смещаются на вторую позицию (22,22 %).

Изосиллабические 8-сложники довольно распространены в тюркских поэтических традициях, так что их меньшая доля в антологии может быть продиктована сознательным или бессознательным стремлением составителей представить оригинальный метрический образ именно башкирской поэзии.

Разнится по сравнению с поэтическим корпусом в антологии также доля изосиллабических 7-сложных (2,77 % против 9,2 %) и 12-сложных текстов (19,44 % против 11,41 %). Последние во многом (но не исключительно) представляют собой цикл рубаи Ф. Гумерова.

В [11] доля изосиллабических стихотворений гораздо больше: 6 из 18 (33,33 %), и представлены они только двумя метрами: 4 текста написаны 8-сложником и 2–10-сложником.

Другая важная для башкирской поэзии форма – это кыска-күй, подразумевающая правильное чередование 8- и 7-сложных строк. Поэтический корпус включает 8,12 % произведений, строго выдерживающих эту схему, и 14,23 % текстов, являющихся ее дериватами [8, с. 165-166]. Эта форма в отличие от узун-күй не является уникальной для поволжско-кыпчакской поэзии и встречается в других тюркских традициях. Кроме того, можно говорить, что в своем творчестве башкирские поэты чаще всего не пользуются этими формами в равной мере, а существуют «в ситуации выбора между узун-күй и кыска-күй» [8, с. 176].

Антология дает 27 образцов строгой кыска-күй (10,54 %) и всего 8 ее дериватов (3,12 %), таким образом, общая представленность этой формы оказывается значительно ниже той, которую мы видим в поэтическом корпусе (13 % против 22 %). Доля 8- и 7-сложных строк в антологии тоже ниже, чем в корпусе: 12,16 % против 16,91 % для первого и 7,06 % против 12,08 % для второго.

В [11] кыска-күй также дискриминирована, в ней написано только 1 стихотворение из 18.

Цифры для менее частотных размеров отличаются незначительно: 4,85 % в антологии и 4,2 % в корпусе 4-сложников, 0,78 % и 2,94 % 5-сложников, 4,39 % и 4,51 % 6-сложников, 3,56 % и 3,92 % 11-сложников, 4,3 % и 2,49 % 12-сложников.

Частотность размеров больше 12 слогов не поднимается выше 1 %. В этом ряду обращают на себя внимание только колебания в представленности 5- и 12-сложных строк. Первых в антологии почти нет, а показатели вторых растут за счет уже упомянутых изосиллабических стихотворений.

Еще одна важная часть стиховедческой характеристики башкирской системы – это представленность вольного стиха [8, с. 185 и далее], то есть такого, который не предполагает упорядоченности строк стихотворения по длине, но при этом и не является чистым верлибром, в котором мы наблюдаем отказ от формальных особенностей классического стихосложения (например, рифмы). Башкирский поэтический корпус сформирован преимущественно из текстов поэтов XX века, в антологию вошли произведения и авторов XXI века, вероятно, хотя бы отчасти стремящихся к обновлению поэтической формы.

Таких стихотворений в антологии насчитывается 14 (5,46 %). При этом по антологии они распределены равномерно, а не сосредоточены в последних разделах книги, как бы это ожидалось, если бы мы прослеживали эволюцию башкирского стиха в сторону вольной силлабики. Таким образом, антология отражает сформированное на поэтическом корпусе представление о большой инерционной силе традиции в башкирской поэзии, не расположенной к обновлению поэтической формы [8, с. 292].

Кроме общих тенденций стоит отметить включенные в антологию метрические раритеты. К таким можно отнести чередование 10- и 6-сложников в «Бөгөн төн мин һинен янда калам» («Прервав свой путь, с тобою остаюсь...») М. Карима (переведено как чередование 5-стопных и 2-стопных ямбов), 8- и 4-сложников «Кем мин?» («Кто я?») Г. Ситдиковой (переведено 5-стопным ямбом), 6- и 3-сложников «Курай йыры» («Песня курая») З. Ханнановой (переведено 4-стопным хореем).

Любопытный материал дает антология и для анализа межъязыкового и межсистемного поэтического перевода: сами принципы, лежащие в основании русской и башкирской системы стихосложения различны. В одном случае мы имеем дело с силлабикой, ключевой единицей которой является слог, а в другом с силлабо-тоникой, ключевой единицей которой является стопа (объединение безударных слогов вокруг ударного или метрически выделяемого как ударный – икта).

Воспроизведение исходных стихотворных форм в переводе в таких условиях выглядит как экспериментальный акт (ср. силлабический перевод «Божественной комедии», выполненный А. А. Илюшиным), на который переводчики чаще всего пойти не готовы. Поэтому перевод осуществляется не только на уровне лексики и грамматики, но и на уровне стиха, то есть в языке-мишени выбирается стихотворный размер, входящий в систему стихосложения той культуры, на которую осуществляется перевод. В [8, с. 189] прослежены русские поэтические формы, которые выбираются для перевода кыска-күй М. Карима. Антология дает богатый материал для обобщений в отношении перевода башкирских узун-күй как самой предпочитаемой составителями поэтической формы.

Как и в случае с кыска-күй, переводчики не создают системы при выборе силлабо-тонического эквивалента узун-күй. Для передачи строгого варианта этой формы в 43,13 % случаев (22 текста) они пользуются самым распространенным русским размером XX века, 5-стопным ямбом, в 13,72 % случаев (7 текстов) избирают 5-стопный хорей. Остальные размеры (общим числом 8) используются эпизодически. Что касается дериватов узун-күй, то примерно ту же долю показывает 5-стопный ямб (44,18 %; 38 текстов), несколько большую — 5-стопный хорей (18,6 %; 16 произведений). Можно отметить также заметное число дольников (9,3 %; 8 текстов) и несколько большее метрическое разнообразие по сравнению с эквивалентами строгой формы: для дериватов переводчики используют 4-стопный хорей и 3-стопный амфибрахий, отсутствующие в репертуаре переводов строгой узун-күй.

Необходимо отметить в целом прослеживающееся стремление переводчиков следовать графическому облику оригинала. Среди незначительных отступлений от этого принципа — выполненный В. Казанским перевод стихотворения Р. Нигмати «Эгәр мин кайта алмаһам...» («Если не вернусь я»), который бросается в глаза как отрицающий эквилиnearность: 26 строкам оригинала соответствует 21 строка перевода.

Заключение

В стиховедческой перспективе антология «Из века в век» демонстрирует заметный сдвиг в сторону поэтической формы с более длинной силлабической строкой: составители предпочитают узун-кюй, нежели кыска-кюй, изосиллабические 12-сложники 7- и 9-сложникам. Противопоставление узун-кюй и кыска-кюй в заостренном виде встречаются и в другой двуязычной антологии последнего времени [11].

Форма кыска-кюй всегда была в башкирской поэзии менее частотной, чем узун-кюй, но в 1940-е годы популярность первой повысилась настолько, что они почти сравнялись по частотности употребления [8, с. 175]. Очевидно, те литературные факторы, которые привели к подобной динамике, не имеют большой силы для формирования канона башкирской поэзии XX века. При этом сами по себе стихотворения военного времени и военной тематики в канон башкирской поэзии включены, это прежде всего произведения Р. Нигмати «Ниңә язмайһың?», «Һинең хаттарың» и др.

В контексте разговора о каноне на фоне реальной поэтической практики XX века в башкирской поэзии обращают на себя внимание более заметная роль 10-сложных строк и изосиллабических стихотворений, написанных 10-сложным метром.

Поскольку «антологии <...> были (и остаются) привилегированными объектами чтения, способными производить интерпретационные эффекты, ощущаемые далеко за пределами их страниц» [13, с. 187], стоит ожидать, что современная башкирская поэзия, в основном следующая в фарватере традиционных поэтических форм, станет следовать именно этим тенденциям, отесняя кыска-кюй на периферию литературного процесса и выделяя больше места узун-кюй. Кроме того, интерес должна представлять дальнейшая конкуренция между изосиллабическими 10- и 8-сложниками. Если в ретроспективе поэтического корпуса приоритет оказывался за вторыми, то канонизированные образцы первых могут дать импульс изменению этого соотношения. Мы можем увидеть повышение доли 10-сложных изосиллабических стихотворений и постепенную сдачу позиций текстов, состоящих из равных 9-сложных строк.

Это также вписывалось бы в общую тенденцию предпочтения более длинных метров более коротким.

Литература

1. Арслан Т. Стихи. Перевод с башкирского. М.: Советский писатель – 1957. 84 с.
2. Из века в век. Хорватская поэзия: Стихотворения / Пер. с хорв. Сост. С. Н. Гловюка; Предисл. Ф. Цацана; Предисл. к серии С. Н. Гловюка. – М.: Пранат, 2007. – 608 с.
3. Из века в век. Башкирская поэзия. Сост. Р. Т. Бикбаев, С. Н. Гловюк, В. А. Широков, А. Р. Юлдашбаев; Предисл. Р. Бикбаева; Предисл. В. Широкова; Предисл. к серии С. Н. Гловюка. – М.: Пранат, 2007. – 704 с.
4. Карим М. Реки разговаривают. Стихи. Сказки. Поэмы. Перевод с башкирского. – М.: Советский писатель, 1964. – 160 с.
5. Карим М. Берега остаются. Стихи. Перевод с башкирского. – М.: Художественная литература, 1966. – 192 с.
6. Карим М. Жду вестей. Стихи и поэма. Перевод с башкирского. – М.: Детская литература, 1976. – 191 с.
7. Карим М. Время – конь крылатый. Переводы с башкирского. – М.: Современник, 1972. – 328 с.
8. Орехов Б. В. Башкирский стих XX века. Корпусное исследование. – СПб.: Алетейя, 2019. 344 с.
9. Поэты Башкирии / под ред. С. Кирьянова и Г. Миняева. – Уфа: Башкгосиздат, 1950. – 280 с.

10. Поэты Башкирии. Антология советской башкирской поэзии в двух томах. - Уфа: Башкирское книжное издательство, 1979.
11. Современная литература народов России: Поэзия / Антология. – М.: Организационный комитет по поддержке литературы, книгоиздания и чтения в Российской Федерации; Объединенное гуманитарное издательство, 2017. – 568 с.
12. Houston, Natalie M. Anthologies and the Making of the poetic Canon // A Companion to Victorian Poetry. – Blackwell, 2002. – 361-377 с.
13. Mole, Tom. What the Victorians Made of Romanticism. Princeton UP – 2017.

References

1. Arslan T. Stikhi. Perevod s bashkirskogo. - М.: Sovetskii pisatel', 1957. 84 s.
2. Iz veka v vek. Khorvatskaia poeziia: Stikhotvoreniia / Per. s khorv. Sost. S. N. Gloviuka; Predisl. F. Tsatsana; Predisl. k serii S. N. Gloviuka. – М.: Pranat, 2007. – 608 s.
3. Iz veka v vek. Bashkirskaiia poeziia. Sost. R. T. Bikbaev, S. N. Gloviuk, V. A. Shirokov, A. R. Iuldashbaev; Predisl. R. Bikbaeva; Predisl. V. Shirokova; Predisl. k serii S. N. Gloviuka. – М.: Pranat, 2007. – 704 s.
4. Karim M. Reki razgovarivaiut. Stikhi. Skazki. Poemy. Perevod s bashkirskogo. – М.: Sovetskii pisatel', 1964. – 160 s.
5. Karim M. Berega ostaiutsia. Stikhi. Perevod s bashkirskogo. – М.: Khudozhestvennaia literatura, 1966. – 192 s.
6. Karim M. Zhdu vestei. Stikhi i poema. Perevod s bashkirskogo. – М.: Detskaia literatura, 1976. – 191 s.
7. Karim M. Vremia – kon' krylatyi. Perevody s bashkirskogo. – М.: Sovremennik, 1972. – 328 s.
8. Orekhov B. V. Bashkirskii stikh XX veka. Korpusnoe issledovanie. – SPb.: Aleteiia, 2019. – 344 s.
9. Poety Bashkirii / pod red. S. Kir'ianova i G. Miniaeva. – Ufa: Bashkgosizdat, 1950. – 280 s.
10. Poety Bashkirii. Antologiia sovetskoi bashkirskoi poezii v dvukh tomakh. – Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979.
11. Sovremennaia literatura narodov Rossii: Poeziia / Antologiia. – М.: Organizatsionnyi komitet po podderzhke literatury, knigoizdaniia i chteniia v Rossiiskoi Federatsii; Ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo, 2017. 568 s.
12. Houston, Natalie M. Anthologies and the Making of the poetic Canon // A Companion to Victorian Poetry. – Blackwell, 2002. – 361-377.
13. Mole, Tom. What the Victorians Made of Romanticism. Princeton UP, 2017.

